

Оглавление

Пояснение для читателя	9
Хронология	10
Благодарности	17
Вступление	
Тони Брентон	19
1. Возможность интервенции и ее долгосрочные последствия <i>1900–1920 гг.</i> Доминик Ливен	30
2. Покушение на Столыпина <i>Сентябрь 1911 г.</i> Саймон Диксон	50
3. Григорий Распутин и начало Первой мировой войны <i>Июнь 1914 г.</i> Дуглас Смит	70
4. Последний царь <i>Март 1917 г.</i> Дональд Кроуфорд	87
5. На сцену выходит Ленин <i>Апрель — июль 1917 г.</i> Шон Макмикин	112
6. Дело Корнилова: трагедия ошибок <i>Август 1917 г.</i> Ричард Пайпс	131
7. «Безобидный пьяница»: Ленин и Октябрьское восстание <i>Октябрь 1917 г.</i> Орландо Файджес	144

8.	Недолгая жизнь и ранняя смерть русской демократии: Дума и Учредительное собрание <i>Январь 1918 г.</i>	
	Тони Брентон	162
9.	Спасти царскую семью <i>Июль 1918 г.</i>	
	Эдвард Радзинский	184
10.	Покушение на Ленина, совершенное Фанни Каплан <i>Август 1918 г.</i>	
	Маргин Сиксмит	199
11.	Поворот в гражданской войне <i>Ноябрь 1918 г.</i>	
	Эван Модсли	220
12.	Участь крестьянства в советской России <i>Март 1920 г.</i>	
	Эрик Ландис	239
13.	Большевицкая реформация <i>Февраль 1922 г.</i>	
	Катриона Келли	263
14.	Развитие ленинизма: гибель политического плюрализма в партии большевиков после революции <i>1917–1922 гг.</i>	
	Ричард Саква	283
Послесловие		
Ленин и вчерашняя утопия		
	Тони Брентон	307
	Примечания	326
	Действующие лица революции	354
	Об авторах	361
	Предметно-именной указатель	363

...русский бунт, бессмысленный и беспощадный.
А.С. Пушкин

Пояснение для читателя

До февраля 1918 г. Россия жила по юлианскому календарю (так называемый старый стиль, с. ст.), который на 13 дней отставал от григорианского календаря (новый стиль, н. ст.), а затем перешла на общий с Западом отсчет времени. В этой книге события в России до февраля 1918 г. датируются по старому стилю, а далее — по новому стилю. В неоднозначной ситуации мы указываем, о каком календаре идет речь.

Хронология

1905

9 января: Кровавое воскресенье.

10 января: мощная волна забастовок и мятежей (продолжались весь год).

14 мая: Цусимская битва, тяжелое поражение России в войне с Японией.

5 сентября (н. ст.): Русско-японская война завершилась Портсмутским миром.

15 октября: Витте предлагает царю проект политических реформ.

17 октября: царь объявляет о начале политических реформ, включая создание Думы.

1906

16 апреля: Витте, утратив доверие царя, уходит с должности премьер-министра.

26 апреля: опубликованы новые законы; министром иностранных дел назначен Столыпин.

27 апреля: открывается заседание Первой Государственной думы.

8 июля: Первая дума распущена, Столыпин становится премьер-министром.

Август — ноябрь: первый этап Столыпинских реформ.

1907

20 февраля: открытие Второй Государственной думы.

Март: Столыпин объявляет о дальнейших реформах.

2 июня: Вторая дума распущена, новый закон о выборах.

7 ноября: открытие Третьей Государственной думы, работала до 1912 г.

1911

1 сентября: Столыпин ранен и спустя четыре дня умирает.

1912

15 ноября: открытие Четвертой Государственной думы.

1914

29 июня: покушение на Распутина.

1 августа (н. ст.): Германия объявляет войну России.

Конец августа: тяжелые поражения русской армии в Германии.

1915

Апрель — июль: немцы вторгаются в Польшу. Ряд министров, в том числе военный, смещены царем.

19 июля: Дума собирается на шесть недель.

21 августа: министры тщетно просят царя позволить Думе сформировать кабинет.

22 августа: царь возглавляет вооруженные силы и переезжает в Ставку в Могилев. Начинается «правление царицы».

3 сентября: работа Думы приостановлена.

1916

Январь — ноябрь: по воле царицы (и Распутина) люди на министерских постах быстро сменяются, в том числе военные министры, министры внутренних дел и премьеры (дважды).

1 ноября: новый созыв Государственной думы. Керенский яростно нападает на Распутина, Милюков говорит о «глупости или измене» в высших эшелонах власти.

17 декабря: убийство Распутина.

27 декабря: назначен очередной премьер-министр.

1917

14 февраля: собирается Государственная дума.

23–24 февраля: в Петрограде проходят демонстрации, спровоцированные перебоями с поставками хлеба.

25 февраля: демонстрации перерастают в беспорядки. Царь отдает из Могилева приказ подавить их.

26 февраля: армия стреляет в толпу, 40 человек убиты. Часть гарнизона взбунтовалась. Царь отмахнулся от телеграммы Родзянко с просьбой срочно назначить новое правительство, сочтя, что Родзянко напрасно паникует.

27 февраля: почти весь Петроград в руках восставших толп. Дума распущена, однако создает Временный комитет. Правительство уходит в отставку. Царь направляет генерала Иванова в Петроград с приказом подавить восстание. Оргсобрание Петроградского совета.

28 февраля: царь выезжает в Царское Село. Первое заседание Петроградского совета. Волнения распространяются на Москву.

1 марта: царский поезд вынужден направиться в Псков и прибывает туда к вечеру. По настоянию Алексеева Николай соглашается предоставить Думе назначение министров и отменяет приказ Иванову. Тем временем Дума и Совет согласовали принципы формирования Временного правительства. Формируется Московский совет. «Декрет №1» по сути лишает офицеров власти и авторитета.

2 марта: сформировано Временное правительство во главе с князем Львовым. Родзянко дает телеграмму Рузскому в Псков, уверяя в необходимости отречения монарха. Утром Алексеев и другие военачальники соглашаются с этим советом. Николай принимает решение и посылает телеграммы, провозглашающие царем Алексея. Но после приезда представителей Думы меняет свое решение и назначает преемником великого князя Михаила.

3 марта: Михаил решает не принимать корону. Конец династии Романовых.

8 марта: Николай возвращается в Царское Село под арест.

Конец марта: Великобритания отказывается принять царскую семью и предоставить ей убежище.

3 апреля: Ленин возвращается в Петроград и выдвигает лозунг «Вся власть Советам!».

20–21 апреля: «апрельские дни» — бунты в Петрограде, поддерживаемые большевиками и направленные против Временного правительства, в особенности против министра иностранных дел Милюкова.

4–5 мая: формирование коалиционного правительства с участием вождей социалистов. Керенский становится военным министром.

16 июня: начало «наступления Керенского», которое обернется провалом.

20–30 июня: в Петрограде нарастает напряжение, войска не желают отправляться на фронт.

3–4 июля: «июльские дни» — солдатские бунты. Петроград захвачен демонстрантами, они угрожают свергнуть правительство. Ленин не сумел встать во главе восстания. Демонстрации затихают. Прибывают верные правительству войска.

5 июля: Ленин снова скрывается, другие лидеры большевиков арестованы.

7 июля: Львов уходит в отставку, назначив Керенского премьер-министром.

18 июля: Корнилов назначен главнокомандующим.

31 июля: царская семья отправлена в Тобольск.

9 августа: выборы и созыв Учредительного собрания отложены до ноября.

26–27 августа: Керенский получает диктаторские полномочия, объявляет Корнилова изменником. Корнилов восстает против Керенского.

30 августа: арестованные большевики отпущены.

1 сентября: арестован Корнилов.

10 октября: большевистский Центральный комитет в присутствии Ленина голосует за резолюцию о готовности взять власть.

20–25 октября: большевики берут под контроль Петроградский гарнизон.

24 октября: Ленин (переодетый) вечером пробирается в Смольный. Убеждает большевиков отважиться на переворот.

25–26 октября: «штурм Зимнего дворца». Керенский бежит на фронт в надежде найти там поддержку. Остальные министры арестованы. Небольшевистские партии в знак протеста покидают съезд Советов. Формируется правительство большевиков (Совнарком) во главе с Лениным.

27 октября: запрещена оппозиционная пресса.

28 октября — 2 ноября: подавлены антибольшевистские забастовки и выступления военных (главным образом в Москве).

12–30 ноября: выборы в Учредительное собрание. Эсеры набирают 40%, большевики — 25%.

20 ноября (с. ст.): начались мирные переговоры в Брест-Литовске.

28 ноября: демонстрации в поддержку Учредительного собрания. Партия кадетов запрещена, ее лидеры арестованы.

7 декабря: создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК).

Конец декабря: генералы Алексеев и Корнилов создают «Добровольческую» (белую) армию.

1918

5 января: первое заседание Учредительного собрания. Демонстрации в его поддержку подавлены. Заседание закончилось поздно вечером, а наутро депутатов не пустили в зал.

15 января — 3 марта: заключен Брест-Литовский мир. Ленин убеждает коллег принять тяжелые условия мира, но настоять на своем ему удастся, лишь когда немцы возобновляют наступление и требуют новых уступок.

Начало марта: большевистское правительство переезжает в Москву в связи с приближением немцев к Петрограду.

9 марта: союзнический контингент высаживается в Мурманске. Это первая из целого ряда попыток вмешаться на стороне белых в происходящие события. Интервенции произойдут также на северо-востоке России, в Украине и на Дальнем Востоке. Окончательно союзники уйдут с запада страны в августе 1919 г., а японцы будут оставаться во Владивостоке до 1922 г.

26 марта: Троцкий назначен военным комиссаром. За несколько недель он преодолет яростное сопротивление однопартийцев и начнет вербовать в Красную армию бывших царских офицеров.

12 апреля: Корнилов убит на фронте. Командование переходит к Деникину.

26 апреля: Николай вместе с семьей отправлен в Екатеринбург.

9 мая: первая попытка большевиков реквизировать зерно у крестьян.

29 мая: чехословацкий легион в Челябинске отказывается разоружаться, присоединяется к белым и берет под контроль Транссибирскую магистраль.

8 июня: чехи занимают Самару. Формируется Комуч.

12–13 июня: великий князь Михаил убит в Перми.

16–17 июля: Николай II и вся его семья убиты в Екатеринбурге.

30 августа: покушение Фанни Каплан на Ленина.

5 сентября: начало Красного террора. Массовые убийства заключенных и заложников.

23 сентября: в Омске сформировано антибольшевистское Временное всероссийское правительство, номинально подчиненное Комучу.

11 ноября: Первая мировая война завершается подписанием мирного договора. Германия стремительно теряет все завоеванное в Восточной Европе, и в следующие два года Россия возвращает себе большую часть этих территорий.

18 ноября: в результате переворота, организованного в Омске, Колчак становится военным диктатором и лидером Белого движения.

1919

Январь: официально вводится продразверстка — политика изъятия зерна у крестьян.

Март — май: Колчак разворачивает наступление в Сибири, поначалу успешное. Он почти доходит до Волги, но в середине мая его останавливают, а затем вынуждают начать отступление.

Июль — октябрь: Деникин наступает на красных с юга, Юденич — с северо-запада. Оба они уверенно продвигаются, Деникин приближается к Туле, Юденич едва не захватывает Петроград, но к октябрю армии обоих военачальников теряют завоеванные позиции и начинают отходить назад.

14 ноября: Колчак направляется в Иркутск. Юденич распускает свою армию.

17 декабря: Колчак вынужден сложить полномочия. Позже он будет выдан большевикам и расстрелян (7 февраля 1920 г.).

1920

27 марта: на посту командующего Деникина сменяет Врангель.

Август: начинается Тамбовское восстание крестьян против продразверстки, ширятся волнения в других регионах.

7 ноября: Белая армия Врангеля эвакуируется из Крыма. Конец гражданской войны.

1921

Март: демонстрации, вызванные нехваткой продовольствия, перерастают в мятеж кронштадтских матросов, жестоко подавленный большевиками. РКП (б) запрещает любые внутрипартийные фракции, создав таким образом возможность тоталитарной диктатуры. Вместе с тем партия отказывается и от продразверстки и переходит к новой экономической политике (НЭП).

1922

16 февраля: большевистская кампания против церкви открывается Декретом о земле. Патриарх Тихон публично противостоит этой кампании.

3 апреля: Сталин становится генеральным секретарем РКП (б), тем самым закладываются основы его будущей власти.

26 мая: первый инсульт у Ленина.

Июнь: митрополит Вениамин и ряд других священнослужителей осуждены за контрреволюционную деятельность и впоследствии расстреляны.

Декабрь: создается Союз воинствующих безбожников.

1924

21 января: после нескольких инсультов Ленин умирает. В завещании он с оговорками рекомендует в качестве преемника Троцкого, настаивая на устранении Сталина от власти.

Благодарности

Прежде всего я благодарю авторов, предоставивших свои статьи для этой книги. Они согласились принять участие в проекте для профессиональных историков — не вполне обычном, если не сказать сомнительном, — и справились с поставленной задачей блестяще.

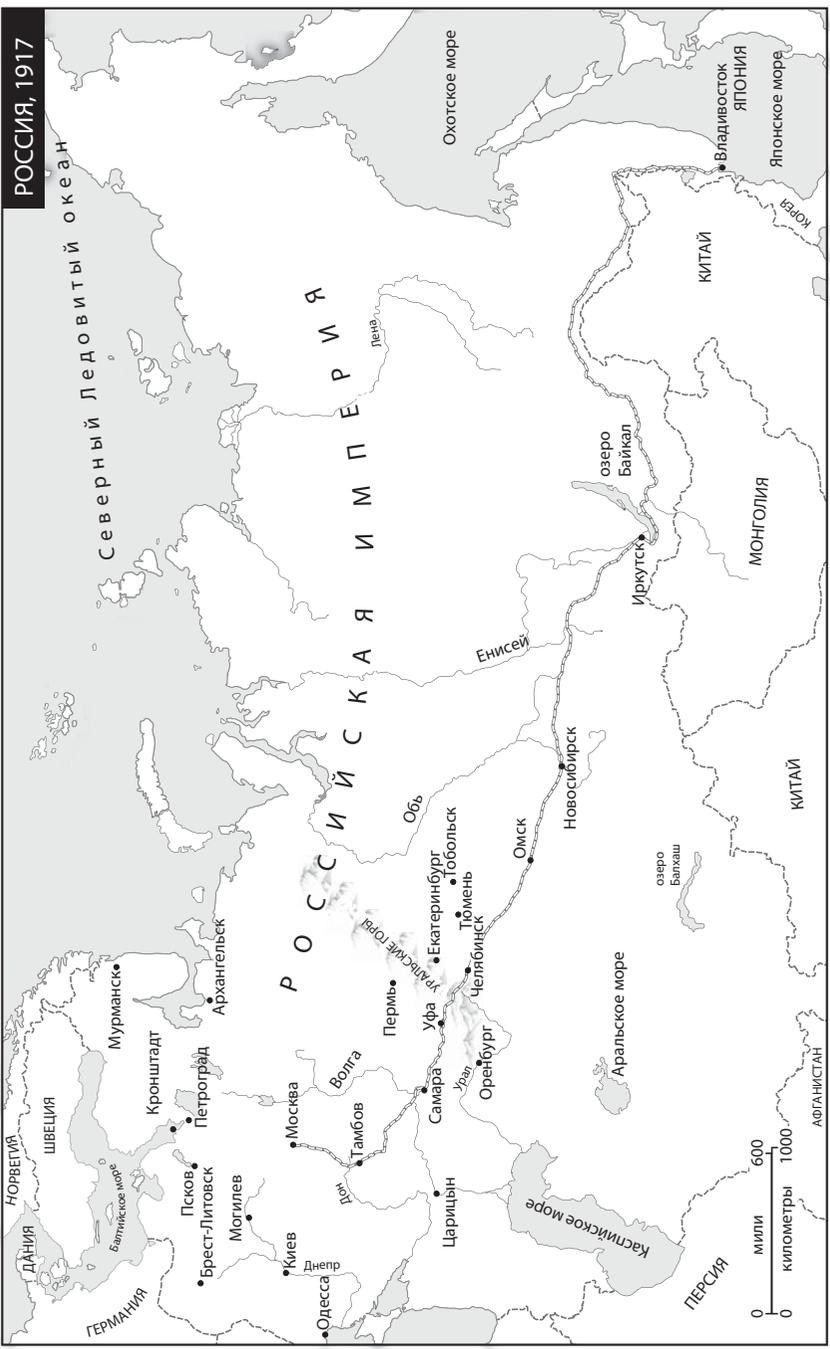
Особая благодарность двоим из участников: Орландо Файджес с самого начала поверил в этот проект и помог мне в поисках авторов, а Доминик Ливен согласился прочесть мою главу в черновике и выправить ошибки дилетанта (разумеется, все оставшиеся в тексте ошибки — мои собственные).

Для послесловия мне нужна была помощь специалиста, разбирающегося в современной России. Дункан Аллан оказался именно тем человеком, к кому следовало обратиться. Опять-таки все оставшиеся в тексте ошибки — исключительно мои собственные.

Прекрасно поработала вся команда издательства Profile, но два имени мне хотелось бы упомянуть особо. Покойный Питер Карсон с энтузиазмом воспринял мою затею и сделал все, чтобы она осуществилась. Многие люди, в том числе и я, ощущают, как его недостает. Ник Ширин подхватил из его рук этот проект и, не жалея сил, довел до завершения. Я с полным правом могу назвать его соавтором и партнером.

И наконец, благодарности семье: Сью, Тиму, Кейт и Дженни. Из-за моего увлечения Россией им пришлось претерпеть многое. Эту книгу я посвящаю им.

РОССИЯ, 1917

Северный Ледовитый океан

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

0 600 1000
мили
километры

Дания
Норвегия
Швеция

Германия

Мурманск

Псков
Брест-Литовск
Могилев
Киев
Днепр
Одесса

Кронштадт
Петроград
Архангельск

Москва
Тамбов

Волга
Самара
Оренбург

Пермь
Уфа
Екатеринбург
Тюмень
Челябинск

Обь
Новосибирск

Енисей

Омск

Аральское море

Иркутск

озеро Байкал

озеро Балхаш

Монголия

Китай

Владивосток
Японское море

Авганистан

Корея

Японское море

Вступление

Тони Брентон

I

Мы стоим на пороге 100-летней годовщины русской революции. И если бы нужно было выбрать одно событие, оказавшее наибольшее влияние на историю XX в. и на весь наш мир начала XXI в., то, несомненно, таким событием следовало бы считать именно русскую революцию. В результате нее установился тоталитарный коммунистический строй, под властью которого одно время находилась треть населения земного шара. Она привела к подъему нацизма в 1930-х, а значит, и ко Второй мировой войне и создала сильнейшего противника, которому Запад противостоял в течение 40 лет холодной войны. Сложно найти другой пример, когда события нескольких лет, сосредоточенные в одной стране, и в основном в одном городе, имели бы такие масштабные исторические последствия. К тому же то, что происходило в 1917-м, стало предметом ожесточенных споров историков. В течение 70 лет советская идеология основывалась на том представлении, что революция была триумфальным результатом действия неотвратимых исторических сил. Сейчас эта точка зрения может казаться странной, однако, пусть и в более мягкой форме, она довольно долго была популярна и среди западных историков. Согласно этой точке зрения, царизм прогнил и был обречен, а социализм, даже большевизм, предлагал России яркое новое будущее, но Сталин испортил мечту. Однако многие другие историки занимают иную позицию. Они доказывают, что существовала либеральная альтернатива царизму, задушенная большевиками в зародыше, и что диктатуру и террор создал Ленин, а Сталин был всего лишь его способным учеником. Согласно еще одной точке зрения, царизм начал модернизацию России и туда непременно пришел бы либерализм, если бы

революция не остановила этот процесс. А согласно другой, вся историческая традиция России основана на тирании государства и Ленин лишь продолжил ее и поднял на следующую ступень.

Выбор позиции в этом вопросе зависит от того, как вы видите происходившее в России до 1917 г. и в течение нескольких лет после него. Могли ли события развиваться иначе? Случались ли моменты, когда единственное решение, будь оно иным, — непредвиденное происшествие, выстрел, попавший в цель или, наоборот, неточный, — могли бы изменить ход русской, а значит, и европейской истории? Эта книга посвящена именно таким моментам в истории революции, когда ощущение случайности происходящего особенно сильно. На этом пути были развилки, когда возникал вопрос, как именно события могут пойти дальше. Мы попросили известных историков описать каждый из таких моментов, его исторический фон, значение и последствия, а также поразмышлять на тему того, какой могла быть историческая альтернатива. Эта книга — не полная хронологическая история революции (на эту тему есть много прекрасных книг), а скорее серия моментальных фотографий, запечатлевших запутанный клубок событий, происходивших в тот период. Глядя на эти «фотографии», задаешься вопросом, могла ли история в те моменты пойти иным путем.

II

Но прежде чем представить читателю наши «моментальные снимки», стоит рассказать о том, что им предшествовало. Революция не разразилась как гром среди ясного неба. Проблемы отсталого самодержавия, старающегося удержаться на плаву в период стремительных социальных и экономических перемен, были не уникальны для России. Они уже вызывали революции, в первую очередь во Франции (и об этом примере постоянно помнили русские революционеры). В России генеральная репетиция событий 1917 г. прошла в 1905-м. В 1904-м разразилась настоящая буря: страна потерпела поражение в войне с Японией, крестьяне обнищали, условия для жизни и работы в городах были чудовищны, социалистические и демократические

идеи распространялись, часто в чрезвычайно заразной форме, среди интеллигенции. Потом случилось Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.), когда царские войска в Петербурге расстреляли сотни безоружных демонстрантов, чем подорвали веру народа в Николая II и его режим. Масштабные, охватившие всю страну стачки и демонстрации заставили царя согласиться на первый представительный законосовещательный орган в истории России — Государственную думу. Эта уступка дала несколько лет непрочной стабильности. В нашем первом «моментальном снимке» Доминик Ливен анализирует, как могли бы развиваться события, если бы революция 1905 г. вызвала полномасштабный коллапс в обществе, как произошло 12 лет спустя.

В следующие несколько лет шла борьба между царем, который, под влиянием бескомпромиссной жены и «домашнего святого» — Распутина, твердо намеревался удержать свою авторитарную власть, и несколькими Думами. Они регулярно распускались и вновь созывались Николаем, недовольным их составом, но продолжали требовать экономических и политических реформ. Единственным государственным деятелем того периода, продемонстрировавшим способность справиться с этими конфликтующими силами, был Петр Столыпин — премьер-министр в 1906–1911 гг. «Авторитарный модернизатор», которым восхищается, в частности, Владимир Путин, Столыпин попытался использовать авторитет царя для проведения экономических реформ, в которых так нуждалась Россия. Эти попытки прекратились с убийством Столыпина в 1911 г. Саймон Диксон в своей главе рассматривает роль Столыпина и размышляет над тем, как могли бы пойти события, если бы в роковой вечер тот не поехал в Киевскую оперу.

После отказа от серьезных попыток реформ единственным, что смогло на время снять растущее напряжение в обществе и недовольство народа, стало вступление России в Первую мировую войну в 1914 г. Как это часто бывало и как происходит и теперь, российское общество мобилизовалось и сплотилось перед лицом общего врага. Забастовки прекратились, агитаторов посадили в тюрьму, прошли многолюдные патриотические демонстрации. Однако продолжение войны, поражения армии

и растущие экономические проблемы стали последним гвоздем, вбитым в гроб царского режима.

Дуглас Смит рассматривает роль Распутина, о которой мало кто знает: тот убедил Николая не вступать в Балканскую войну. Пытался он переубедить царя и в 1914-м. Не только Россия, но и весь мир были бы совсем другими, если бы ему это удалось.

Но этого не случилось. Война заставила Николая покинуть Петроград (это было новое, патриотичное название Санкт-Петербурга), чтобы командовать войсками. Бразды правления остались в неумелых руках императрицы Александры и Распутина, о которых ходили всевозможные слухи. Авторитет царя упал так сильно, что даже члены его собственной семьи устраивали заговоры с целью отстранить Николая от власти. Недовольство народа росло и достигло пика с началом хлебных бунтов в Петрограде в феврале 1917-го. Были предприняты попытки подавить бунты, однако солдаты присоединились к восставшим. Николай, находившийся в Ставке, отправил в помощь Петрограду войска, но и тут потерпел неудачу. Его же генералы стали советовать ему отречься от престола в пользу сына Алексея, говоря, что это единственный путь к спасению династии и России. Опасаясь за здоровье Алексея, Николай отрекся в пользу своего брата Михаила, однако того сочли неприемлемой кандидатурой гражданские политики в Петрограде, которые вскоре пришли к власти в составе Временного правительства. В главе, написанной Дональдом Кроуфордом, рассказывается, как закончилось 300-летнее правление династии Романовых.

Падение самодержавия ускорило появление в Петрограде и других крупных городах Советов рабочих и крестьянских депутатов (избираемых путем прямого голосования). По мере того как ухудшалась политическая ситуация, советы становились все более и более радикальными. Особенно же влиятельной стала экстремистская фракция большевиков. Временному правительству, состоявшему из традиционных политиков царской эпохи, пришлось работать совместно с Петроградским советом, а тот в любой момент мог остановить жизнь города забастовками и демонстрациями. В этот момент Министерство иностранных дел Германии, стремясь к тому, чтобы Россия вышла из войны,

организовало возвращение туда лидера большевиков — Владимира Ленина — в знаменитом «пломбированном вагоне». Ленин быстро преодолел негативное отношение товарищей-большевиков и наэлектризовал политическую обстановку своими резкими (однако нашедшими широкую поддержку) требованиями свергнуть Временное правительство и закончить войну. Благодаря немецкому финансированию он сумел добиться широкой поддержки для большевиков и организовать их сторонников на улицах (создать так называемую «красную гвардию»). Большевики начали вести пропаганду в войсках и еще активнее разваливать вооруженные силы, способствуя таким образом военным поражениям России и иницируя мятежи. Эта деятельность достигла пика в июле, когда большевики попытались захватить власть, но потерпели неудачу. Многие из них были арестованы, Ленин снова покинул страну. Шон Макмикин анализирует роль Ленина в эти месяцы и пытается ответить на вопрос, как могли бы развиваться события, не будь «пломбированного вагона».

Неудавшийся большевистский переворот усилил взаимные подозрения между левыми (представленными в Петроградском совете) и правыми (представленными во Временном правительстве). Харизматичный левый политик Александр Керенский, имевший серьезный министерский послужной список, возглавил Временное правительство в июле. Он был единственной фигурой, приемлемой для обеих сторон. Новым командующим вооруженными силами Керенский назначил всеми уважаемого патриота генерала Корнилова, которому было поручено восстановить дисциплину в войсках и продолжить военные действия. К сожалению, после целого ряда недоразумений, о которых рассказал в своей главе Ричард Пайпс, Керенский начал видеть в Корнилове потенциального военного диктатора. Он склонился в сторону левых и, чтобы найти широкую поддержку в борьбе против «контрреволюции», выпустил на свободу недавно арестованных большевиков, хотя Ленину вернуться не разрешили. В конце августа 1917 г. Корнилов был снят с поста главнокомандующего и арестован. За это Керенский дорого заплатил: его правительство утратило поддержку армии и стало заметно уступать в популярности большевикам, у которых к тому времени

появилось большинство в Петроградском совете. Теперь путь к захвату власти был открыт.

Решающий момент настал вечером 24 октября 1917 г. На следующий день в Смольном должен был собраться съезд Советов со всей страны. По его результатам Временное правительство должно было потерять власть и быть замещено коалицией всех социалистических партий (не только большевиков). Тайно вернувшийся в Петроград Ленин был твердо намерен не допустить этого. Переодевшись рабочим, он отправился через весь город в Смольный. Полицейский патруль остановил его, но не узнал. В Смольном он заставил лидеров большевиков, которые в тот момент вели активные переговоры о коалиции, начать немедленный захват власти. Переворот, в том числе знаменитый «штурм Зимнего», произошел на следующий день. Россией стала править не социалистическая коалиция, а одни лишь большевики. Орландо Файджес в своей главе рассуждает о том, что было бы, узнай военный патруль Ленина и арестуй его.

До этого момента большевики контролировали лишь Петроград, затем (после нескольких дней боев) взяли власть в Москве. Однако с непоколебимой жестокостью (в декабре 1917 г. была учреждена ВЧК — наводящая ужас советская тайная полиция) они постепенно усиливали свою хватку и расширяли влияние. В Москве большевики выдавили из политического процесса партии-соперники и арестовали многих из их лидеров. В губерниях воевали против «белых» — разнородных антибольшевистских сил, возглавляемых бывшими царскими генералами и политиками, которые получали поддержку из-за границы. В этот момент большевики поняли, насколько опасен для них царь, находившийся с семьей на Урале. Николай становился «живым символом», вокруг которого могла сплотиться контрреволюция. Эдвард Радзинский рассматривает моменты, когда царь мог бежать и сыграть именно такую роль. Этого большевики и боялись, поэтому в июле 1918 г. в Екатеринбурге убили царя и его семью.

Одно из главных обещаний, данных в феврале Временным правительством, у которого, конечно, не было выборного мандата, касалось созыва Учредительного собрания. Надежды

политиков уже давно были сосредоточены на Собрании — органе, который должен был создать конституцию для постро- мановской России и сформировать легитимное демократическое правительство. Однако приготовления заняли много времени. Долгожданные выборы в Учредительное собрание, которые даже большевики не могли отменить, хотя уже находились у власти, начались только в ноябре. Большевикам досталась лишь четверть голосов. Ленин осудил результаты выборов под предлогом того, что интересы революции были выше «буржуазной демократии».

Учредительное собрание созвали в Петрограде в январе 1918-го, однако уже на второй день работы оно было закрыто Красной гвардией и больше не собиралось. В своей главе я задаю- сь вопросом, насколько иначе все могло быть, если бы Времен- ное правительство действовало быстрее.

Усиливающиеся политические репрессии, гражданская война и проблемы в экономике не могли не породить оппозицию боль- шевистскому режиму. Наиболее драматично это проявилось в покушении 30 августа 1918 г. на Ленина. Он был серьезно ранен, но выжил. Покушение использовали для оправдания Красного террора, во время которого ВЧК арестовала и казнила десятки тысяч противников режима (и создала прецедент для сталин- ского Большого террора). Ранение, вероятно, стало одной из при- чин ранней смерти Ленина в 1924 г., открывшей путь во власть Сталину. Мартин Сиксмит рассказывает историю покуше- ния и задается вопросом, какими могли быть его последствия, если бы выстрел оказался точнее.

Победа большевиков в гражданской войне вовсе не была пред- определена. Хотя к началу 1918 г. под их контролем находилась основная часть Центральной России, на востоке и юге они столк- нулись с анархией и повсеместным сопротивлением, в том числе со стороны крестьян. «Позорный» мирный договор с Централь- ными державами в марте 1918 г., отдавший Украину и большую часть Западной России под немецкую и австро-венгерскую окку- пацию, не прибавил им привлекательности в глазах крестьян- ства. Сопротивление большевикам возглавили несколько белых генералов, имевших поддержку за границей, и базировавшийся в Сибири Комуч — группа политиков, в том числе и левых,

объявивших себя Временным всероссийским правительством на том основании, что они были членами распущенного Учредительного собрания. Однако Комуч пошел ко дну из-за несогласий и конфликтов между его правым и левым крылом. В результате переворота 17 ноября 1918 г. на смену ему пришла диктатура адмирала Колчака. Теперь правое крыло возглавило все антибольшевистские силы, однако политическая программа Колчака была реакционной, и крестьянам он не мог предложить ничего. Поэтому большинство из них встали на сторону большевиков и помогли им завоевать окончательную победу. Эван Модсли разбирает эти события и пытается ответить на вопрос, возможна ли была на тот момент какая-либо историческая альтернатива.

Одним из порождений гражданской войны стал военный коммунизм — политика тотального контроля большевиков над экономикой и населением России, сопровождавшаяся массовыми арестами и убийствами. Военный коммунизм во многом превосходил сталинизм. Ключевым его моментом была продразверстка — масштабное изъятие зерна у крестьян, часто приводившее к массовому голоду. В 1919–1920 гг., когда гражданская война приближалась к концу, продразверстка стала причиной многочисленных бунтов среди крестьян, и не только (так, в феврале 1921 г. восстал гарнизон Кронштадта, прежде бывшего одним из оплотов революции). В 1921 г. режим был вынужден отказаться от продразверстки. Это стало важнейшим первым шагом в направлении НЭПа — новой экономической политики, короткой «оттепели» и частичного возврата к рыночной экономике. Благодаря НЭПу прекратились протесты, экономика стала восстанавливаться. Однако значительная часть партийцев ненавидела НЭП по идеологическим соображениям. В 1928 г. пришедший к власти Сталин положил конец НЭПу и возродил реквизицию зерна. В своей главе Эрик Ландис задается вопросом, мог ли быть другим путь, приведший к сталинизму, если бы, как предлагал в то время Троцкий, разверстку отменили на год раньше.

Большевики, конечно же, исповедовали радикальный и агрессивный атеизм. Их стиль правления наглядно демонстрируют

отношения с Русской православной церковью. Хотя идеологическая враждебность по отношению к церкви сохранялась в течение всего периода правления коммунистов, период активных репрессий был всего один, и начался он с изъятия церковных ценностей в 1922 г. Катриона Келли анализирует этот эпизод и задается вопросами, как он раскрывает перед нами другие черты большевистского правления и какими могли быть последствия иного подхода к отношениям церкви и государства.

Конечным итогом революции стал, разумеется, тоталитарный коммунистический строй. Власть оказалась в руках единственной правящей партии, жестко централизованной, непрозрачно управляемой и погрязшей в бюрократии, а также зависящей от обширного репрессивного аппарата. Широкие дебаты с участием общественности исключались и сурово наказывались, об оппозиции говорить не приходилось. Многие пытались доказать, что такой результат был неизбежен, раз власть захватила экстремистская фракция, представлявшая незначительную группу населения и движимая эсхатологической идеологией. Неудивительно, что в условиях враждебности к внешнему миру, внутренней гражданской войны и экономического коллапса этой фракции приходилось держаться за власть буквально зубами. В самом начале, однако, была надежда на альтернативу, при которой, даже если исключить демократию за пределами партии, она могла бы существовать внутрипартийно. Ричард Саква рассматривает альтернативные варианты и задается вопросом, позволили ли бы они избежать прихода к тоталитаризму.

III

Сложно не видеть, насколько трагичен ход русской революции. Страна, которая хоть и скачкообразно, но, несомненно, развивалась, столкнувшись с силами, вдохновленными самыми высокими надеждами человечества, погрузилась в мрачные глубины тирании и массовых убийств. Даже традиционные историки-марксисты (исчезающий вид) допускают теперь, что дорога утопий завела совсем не туда. Однако насколько «неизбежна» была эта трагедия? Позвольте мне объяснить, каким подходом в этом

вопросе оперирует данная книга. Сейчас в сообществе историков идут настоящие бои по поводу «альтернативной истории». Отчасти в ответ на хорошо принятую книгу очерков по альтернативной истории под редакцией Нила Фергюсона профессор Ричард Эванс недавно написал работу, в которой выразил свое отношение к альтернативной истории. С его точки зрения, это в основном развлечение правых, выдающих желаемое за действительное, что часто выглядит забавно, однако на практике не дает ничего для настоящего понимания прошлого. В самом деле, когда я искал авторов для этой книги, несколько именитых историков отказались участвовать в проекте именно потому, что не хотели «играть» в альтернативную историю. Прекрасно. Однако, мысля логически, мне очень трудно понять, как неизбежность исторического события или ее отсутствие можно оценить, не проанализировав те моменты, когда дорога могла повернуть совсем в другую сторону. Авторы этой книги решили поставленную перед ними задачу по-разному. Некоторые повели нас по пути, очень отличному от того, которым в конечном итоге пошла история. Некоторые сосредоточились на тех моментах, когда роль случая была необычайно велика и даже небольшое изменение обстоятельств могло привести к совершенно иному историческому результату. Некоторые рассказали о происшествиях и недоразумениях, приведших к определенному результату, предоставив читателям размышлять о том, каким еще он мог быть. Другие же проанализировали широко разрекламированные альтернативы того пути, по которому в конечном итоге пошли события, лишь для того, чтобы заключить, что на самом деле ни одна из этих альтернатив не была очень уж вероятна. Все эти подходы, как мне кажется, работают. И все вместе они ведут к вопросу, насколько неизбежным, с разных точек зрения, был российский трагический XX в. Традиционная хронологическая история едва ли подвела бы нас к этому вопросу.

Гегель когда-то сказал: «История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». Надеюсь, он был неправ. В моей дипломатической карьере я часто не имел иного ориентира для анализа конкретной задачи или ситуации, кроме каких-либо исторических событий. В особенности в России с ее

печально известным непрозрачным стилем правления — стране, где я много работал, — знание российской истории часто становилось важнейшим источником понимания текущей ситуации. Сами русские также полагаются на историю, когда пытаются разобраться, куда движется мир. Для революционеров 1917-го главным историческим прецедентом, одновременно позитивным и негативным, стала Французская революция, а основной задачей было избежать появления — как это случилось во Франции — военного диктатора, «Наполеона». И это им удалось. Но вместо Наполеона они получили Сталина. Было ли это неизбежно? Судить об этом я предоставляю читателю.

Возможность интервенции и ее долгосрочные последствия

1900–1920 гг.

Доминик Ливен

Когда в 1970-х гг. я занялся историей последнего периода существования Российской империи, основной темой для английских и американских исследователей в этой области был диспут так называемых оптимистов и пессимистов. Оптимисты считали, что конституционный строй, укреплявшийся в России в 1906–1914 гг., знаменовал ее сближение с западной либеральной демократией и этот процесс мог бы увенчаться успехом, если бы Первая мировая война не оборвала его, дав Ленину возможность совершить в октябре 1917 г. «большевистский переворот» — именно так именовали это событие оптимисты. Пессимисты, напротив, считали царизм заведомо обреченным, а большевизм — наиболее вероятным победителем в неизбежном революционном кризисе России.

Мне представляется, что подобный «выбор» судьбы для России в 1914 г. — между демократией и коммунизмом — отражает в гораздо большей степени контекст холодной войны, в котором происходил этот спор, чем российские реалии начала XX в. Это не столько спор о российской истории, сколько борьба между конкурирующими западными идеологиями, перенесенная

на российскую почву. Терминология этого диспута сама по себе демонстрировала, как сильно влияет на мышление историков настоящее с его заботами, особенно в такой чрезвычайно важной и политически напряженной области, как изучение российской истории в пору холодной войны.

Думать, будто Россия могла осуществить мирный переход к либеральной демократии, — значит тешить себя иллюзиями. Россия была огромной многонациональной империей, одной из многих, деливших между собой в 1900 г. земной шар. Ни одна из этих империй не сохранилась, и ни одна не исчезла без борьбы. Кроме того, Россия находилась на бедной и наименее развитой окраине Европы, где средние классы были слабее и права на собственность не так надежно гарантированы, как на основной части континента. И политическая конфронтация с массами оказалась для элит на периферии намного более опасной, чем в центре Европы. Эту периферию я называю вторым миром. Большинство государств второго мира жили после 1918 г. при авторитарном режиме, и часть из них освободилась от него только в 1945 г. — не столько собственными усилиями, сколько благодаря победе союзников во Второй мировой войне. Если уж Испания и Италия, где либеральные институты и ценности были укоренены гораздо прочнее, чем в России, охотно приняли в 1920-е гг. авторитарные и даже тоталитарные режимы, о каком шансе для российской демократии можно говорить?! Победа большевистской революции в Российской империи начала XX в. была более вероятной, чем победа либеральной демократии, но тем не менее большевизм не был самым предсказуемым исходом — причем по ряду причин, самая важная среди которых, пожалуй, международное положение. Мне кажется фантастической мысль, будто европейские державы могли допустить, чтобы режим — любой режим — в России вышел из системы международной безопасности, превратился в штаб мировой социалистической революции и вдобавок отсекся от долговых обязательств (в триллионы долларов на современные деньги) перед гражданами этих великих держав.

Так мы сразу же подбираемся к основной задаче этой главы: подчеркнуть ключевое влияние международной ситуации

на российскую революцию и разобрать ряд гипотетических путей развития, которые также могли сложиться под влиянием «международных факторов». Для полного освещения темы следует начать с 1905–1906 гг.

В эти годы Россию сотрясла революция, которая чуть было не свергла монархию. Если оглядываться на эти события с точки зрения революционеров или либералов, мои слова могут показаться преувеличением: режим оказался очень прочным. Однако, если посмотреть на ситуацию в высших слоях российской власти глазами тогдашних государственных деятелей, сложится иное впечатление. Эти круги охватил страх перед возможным падением режима. Самая тяжелая пора длилась с октября 1905 г., когда Николай II даровал стране Конституцию, до июля 1906 г., когда он благополучно распустил Первую думу.

Манифест 17 октября, обещавший в числе прочего Конституцию, ни в малейшей степени не удовлетворил российских либералов. Партия конституционных демократов (кадетов) настаивала на всеобщем праве голоса для мужчин, на формировании правительства, подотчетного парламенту, на экспроприации значительной части дворянских земель и амнистии всем политическим заключенным. Революционные партии социалистов были с точки зрения режима (и тут власти не ошибались) и вовсе непримиримыми и пользовались широкой поддержкой заводских рабочих. В то же время бунтовало и село: крестьяне сжигали усадьбы, захватывали урожай и терроризировали землевладельцев и управляющих поместьями. Положение правительства осложнялось также растерянностью в его собственных рядах: после Октябрьского манифеста департамент полиции при Министерстве иностранных дел, которому полагалось направлять и координировать подавление революции, находился в смятении, чиновники перестали понимать, какие действия от них требуются, агенты и информаторы перестали работать. Основная часть флота и многие армейские подразделения не выглядели надежной опорой режима. Даже в армии происходили бунты, и существовала вероятность того, что солдаты скорее перейдут на сторону революции, чем будут служить властям. Во многих полках лояльность висела на волоске: сегодня они могли

выйти на подавление бунта, а завтра — отказаться. Правительство понимало, какие надежды возлагали на Первую думу крестьяне, из которых в основном и состояла армия: они ждали полной экспроприации дворянских угодий. По мере того как приближалось время распускать Думу, страх нарастал. 11 июня 1906 г. первый батальон Преображенского гвардейского полка, самого элитного подразделения российской армии, взбунтовался. Генерал Александр Киреев, обычно большой оптимист, записал в дневнике: ‘*Nous y voila!*’ («Вот оно!» — *фр.*)¹.

Что могло произойти, если бы верность армии режиму поколебалась и большинство подразделений отказались исполнять приказы или вовсе перешли на сторону революции? Процесс радикализации пошел бы по спирали, как во Франции 1789 г., но только еще более радикально и стремительно. У либеральных лидеров-кадетов не было бы ни малейшего шанса контролировать этот процесс или ограничить его какими-то рамками. В отличие от Французской революции, теперь уже существовали социалистические учения и партии социалистов-революционеров, более того, они пустили глубокие корни в среде российской интеллигенции. Большинство крестьян, мечтавших об уничтожении дворянского землевладения, также были стихийными социалистами, и многих рабочих привлекла распространявшаяся революционерами пропаганда социалистического учения. В местах проживания инородцев разразился бы хаос: зимой 1905–1906 гг. Закавказский регион и так ускользал из-под влияния центральных властей. Если бы режим тогда пал, процесс дезинтеграции пошел бы дальше, социальная революция вскоре приобрела бы дополнительный аспект межэтнических войн. Движение за полное отделение от России оформилось бы лишь в Польше и, возможно, в Финляндии, но в других нерусских регионах прозвучали бы требования большей или меньшей локальной автономии. Неизбежные крайности революции спровоцировали бы реакцию — это и в самом деле случилось в 1905–1907 гг., когда широкую поддержку получили черносотенцы. Если бы этот процесс внутреннего конфликта развивался дальше, трудно предсказать, когда он мог бы закончиться и какие силы в итоге взяли бы верх.

Но в реальности внешние силы не могли бы допустить, чтобы распадающаяся Россия сама решала свою судьбу, и с большой вероятностью их вмешательство изменило бы ход событий — по крайней мере на ближайшее время. Интервенцию почти неизбежно возглавила бы Германия, поскольку она граничила с Россией и имела самую сильную армию в Европе. Правда, канцлер Германии Бернгард фон Бюлов страшился такой перспективы. Он помнил о последствиях иностранного вторжения во Францию в 1792–1793 гг.: в результате национальное чувство французов объединилось с революционным движением и начался террор. Бюлов также понимал, что и немецкие социалисты будут решительно против контрреволюционного вторжения в Россию. Но когда Россия начала бы соскальзывать в бездну анархии и социализма, и у Бюлова, и у других европейских правителей не осталось бы выбора. Едва ли какой-либо российский режим отважился бы в мирное время на самоубийственный отказ платить по долгам и навлек на себя, таким образом, иностранную интервенцию, но ширящаяся революция вызвала бы экономический крах и бегство капитала, и страна вынуждена была бы объявить дефолт по международным обязательствам. В эпоху до 1914 г. капиталисты и стоявшие за их спиной великие державы обходились с банкротами круто. Держатели российских государственных облигаций оказали бы мощное давление на правительства своих стран, требуя защитить инвестиции и способствовать установлению в России стабильного несоциалистического режима. Особенно активно эти требования прозвучали бы во Франции, граждане которой понесли бы наибольшие потери. Если бы немецкая армия возглавила вторжение в Россию для защиты французских кредиторов, это могло бы на время вызвать небывалую солидарность между французами и немцами, однако в Париже радость существенно перевесил бы страх при мысли об исчезновении — в обозримом будущем — Российской державы как гаранта французской безопасности и равновесия сил в Европе.

Дефолт вынудил бы к какой-то форме интервенции, но к еще более решительным и жестким мерам побудило бы европейские державы ширящееся насилие против иностранцев

и их собственности в России. Уже тогда, зимой 1905–1906 гг., британский консул в Риге (привожу один пример из множества) требовал немедленной высадки десанта Королевского флота для защиты британских подданных. Но и здесь ведущая роль принадлежала бы немцам, поскольку в России этнических немцев проживало гораздо больше, чем французов, англичан, итальянцев или австрийцев. Многие немцы были российскими подданными, в том числе элита прибалтийских провинций — землевладельцы, предприниматели, специалисты с высшим образованием. У земельной аристократии Балтии имелись обширные связи в Берлине. В разгар революции 1905 г. император Вильгельм II заявил профессору Шиману, самому известному представителю прибалтийской интеллигенции в Берлине, что в случае падения царя и распространения анархии в этих провинциях немецкая армия готова вмешаться. Разумеется, нельзя приравнивать посулы императора к государственной политике, но трудно вообразить, чтобы немецкое правительство любого состава оставалось в стороне, когда в соседнем регионе этнических немцев начали бы лишать собственности, сжигая усадьбы, а зачастую и убивать. Такого рода беспорядки уже начинались в Прибалтике, однако их удалось пресечь в начале 1906 г. карательными экспедициями российской армии. Но если бы монархия пала и вместе с ней распалась армия, тогда поджоги, убийства и хаос распространились бы повсеместно и немецкое вторжение оказалось бы практически неизбежным.

Каков был бы результат иностранной интервенции? Привела бы она, как во Франции 1792–1793 гг., к сплочению радикалов и националистов на стороне революции? Возможно, хотя и очень трудно представить себе, как российские землевладельцы объединились бы с социалистическим режимом, планирующим экспроприацию имений. Возможно, российская контрреволюция объединилась бы с иностранной интервенцией, как поступили в 1936 г. франкисты в Испании, при всей своей националистической идеологии. Вероятно, лучше всего сравнить эту ситуацию с вторжением России в Венгрию в 1849 г. Господствующей идеей российского консерватизма к 1900 г. стал национализм: российские элиты глубоко верили в мощь своей страны, ее статус